

Красный Франкенштейн

Секретные
эксперименты Кремля

Олег Шишкин

Красный Франкенштейн

Секретные
эксперименты Кремля

Москва
2012

УДК 612.67+174
ББК 28.703+87.75
Ш 65

Редактор Маргарита Савина

Ш 65 **Шишкин О.**

Красный Франкенштейн: Секретные эксперименты Кремля / Олег Шишкин. — М.: Альпина нон-фикшн, 2012. — 317 с. + 16 с. вкл.

ISBN 978-5-91671-144-8

Эта книга — увлекательное журналистское расследование. 1920-е годы. Потрясенные смертью Ленина большевики инициируют опыты по омоложению человеческого организма. Одновременно перед советскими учеными поставлена еще более дерзкая задача — создать сверхчеловека. С этой целью лучшие биологи и генетики СССР ведут эксперименты по скрещиванию гомо сапиенс с человекообразной обезьяной. Появится ли на свет Красный Франкенштейн? В тоталитарном государстве в людях недостатка нет. Сложнее с приматами. За границу отправляются экспедиции, голодная страна тратит огромные валютные ресурсы для покупки обезьян, создается питомник в Сухуми.

История уникальных исследований и взаимоотношений ученых и власти основана как на открытых источниках, так и на материалах закрытых до последнего времени архивов.

УДК 612.67+174
ББК 28.703+87.75

Все права защищены. Никакая часть этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, а также запись в память ЭВМ для частного или публичного использования, без письменного разрешения владельца авторских прав. По вопросу организации доступа к электронной библиотеке издательства обращайтесь по адресу lib@alpinabook.ru.

ISBN 978-5-91671-144-8

© О. Шишкин, 2012
© ООО «Альпина нон-фикшн», 2012

Содержание

Предисловие	9
Глава 1	
ПАНИКА В КРЕМЛЕ	18
Глава 2	
ОБОСНОВАНИЕ «БОГА»	37
Глава 3	
ПРОМЕЖУТОЧНОЕ БЕССМЕРТИЕ	63
Глава 4	
РУССКИЙ ФРАНКЕНШТЕЙН	86
Глава 5	
ОБНАДЕЖИВАЮЩИЙ СИФИЛИС	108
Глава 6	
«СУБЪЕКТЫ». ОНИ ЖЕ «ОБЪЕКТЫ». ОНИ ЖЕ «ПТИЧКИ»	121
Глава 7	
СПЕЦИАЛЬНЫЕ СЧЕТА	144
Глава 8	
«Я ПРЕДПОЧЕЛ ПОСЛЕДНЕЕ...»	150

Содержание

Глава 9		
МИССИЯ СЫНА		175
Глава 10		
КРОВАВОЕ САФАРИ		191
Глава 11		
ПРИЗРАКИ АНТРОПОЛОГИИ		216
Глава 12		
ОДЕРЖИМОСТЬ		226
Глава 13		
ВОЖДИ ИНТЕРЕСУЮТСЯ		246
Глава 14		
ИНЖЕНЕРЫ ЧЕЛОВЕЧЕСКИХ ТЕЛ		254
Глава 15		
ИНСТИТУТСКАЯ ИНТРИГА		273
Глава 16		
ПРИГОВОР		291

Вся моя жизнь состояла из экспериментов. Наше правительство также экспериментатор, только несравненно более высокой категории. Я страстно желаю жить, чтобы увидеть победное завершение этого исторического социального эксперимента.

Лауреат Нобелевской премии по физиологии и медицине за 1904 год, академик Иван Павлов. Из речи, сказанной на правительственном приеме делегации 15-го Международного конгресса физиологов (Правда, 20 августа 1935 года)

Нет сомнения в том, что реальность действительно реальна.

*Профессор Арон Залкинд.
Психология человека будущего
(1928)*

Предисловие

1.

«ЧЕЛОВЕК — Номе (мораль). Это слово не имеет точного значения, но только напоминает нам о том, чем мы являемся. Однако то, чем мы являемся, не может быть дано одним-единственным определением» — так начинается статья «Человек» в Великой французской энциклопедии.

Когда-то гуманисты мечтали найти точное определение для наделенного разумом существа. Они предполагали, что мир вокруг, прекрасный и гармоничный универсум, населенный удивительными живыми созданиями, являет собой очаровательную виньетку для венца природы. Он в центре вселенной, и ему, наделенному разумом, должны повиноваться стихии и открываться великие тайны бытия. И, двигаясь от триумфа к триумфу, новый совершенный человек обретет желанную и абсолютную свободу, а вслед за ней и определение самого себя.

«Свобода естественная» и «свобода гражданская» были для философов Франции главными божествами эпохи Просвещения. Они вели человека извилистым путем познания собственной сути и великого предназначения — жить на Земле.

Но, когда в 1859 году Чарльз Дарвин выпустил «Происхождение видов», его книга стала своеобразным испытанием для европейской цивилизации. Научная аргументация первого эволюциониста была безупречна. Он утверждал: в природе ежесекундно идет жестокая борьба за существование — естественный отбор, и человек — продукт этого естественного отбора, построенного на торжестве сильного над слабым. А корни людской родословной уходят в мир обезьян, но отнюдь не в библейский рай.

Сообщество интеллектуалов не смогло найти баланса между научным и моральным, как того требовали открытия Дарвина. Для многих его современников «Происхождение видов» стало настоящим шоком. Не только потому, что они были добропорядочными прихожанами и искренне верили в догматы церкви. Отнюдь не все эти люди являлись ханжами или темной забитой массой, каковой порой их рисовали советские атеистические издания. Лучшая их часть (и, надо сказать, самая большая) старалась жить в соответствии с десятью заповедями, которые были вручены Моисею на горе Синай. С детства они воспитывались в религиозных школах и фанатично верили в то, что добро сильнее зла, даже если добро физически слабее.

Но инстинкт познания вошел в противоречие с инстинктом самосохранения. Он одержал победу над ним и простодушными людьми. Эта победа обернулась жестокими испытаниями XX века.

Самого Дарвина, видимо, также мучила проблема моральных устоев. В 1871 году в новой книге «Происхождение человека и половой подбор» он нашел необходимым поместить следующий пассаж: «Нравственное существо — это существо, которое способно размышлять о своих прошлых действиях и их мотивах, об одобрении одних и неодобрении других; и тот факт, что человек есть единственное существо, несомненно

заслуживающее названия морального, составляет величайшее из всех различий между ним и низшими животными»¹.

Однако на страницах дарвиновского исследования мы найдем сегодня достаточно примеров расового снобизма. Здесь фигурируют такие понятия, как «цивилизованные нации» и «дикари», «цивилизованные расы» и «низко опустившиеся и выродившиеся жители Андаманских островов», «звероподобные идиоты» и т. д.

Эти оценочные определения фигурировали в произведенииях человека, который считался авторитетом и властителем дум для европейских ученых. Но шокирующие пассажи имелись не только у Дарвина.

Даже такому признанному авторитету мирового коммунизма, как Фридрих Энгельс, не был чужд расовый снобизм. В своей работе «Роль труда в процессе превращения обезьяны в человека» он, рассуждая о переходных формах обезьяночеловеков, писал: «Самые низшие дикари и даже те из них, у которых приходится предполагать возврат к более звероподобному состоянию с одновременным физическим вырождением, все же стоят выше тех переходных существ»².

Под низшими дикарями, находящимися в звероподобном состоянии, он, видимо, подразумевал жителей Африки, папуасов Новой Гвинеи и пигмеев.

Дарвин и Энгельс сходились в том, что эволюция разделила не только человека и обезьян, но и сообщество людей — на высших и низших. Есть преуспевающие народы и народы отсталые, деградирующие. Позднее под этими идеями образовалась и некая «доказательная база». Немецкие ученые Эрвин Бауэр, Эуген Фишер и Фриц Ленц, создавшие первый учебник генети-

¹ Дарвин Ч. Происхождение человека и половой подбор. — СПб., 1896. — С. 558. (Здесь и далее автор ссылается на издание 1896 года. — *Прим. ред.*)

² Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. Т. 20. — М., 1961. — С. 487.

ки — «План обучения по генетике человека и расовой гигиене», тоже разделили мир на высших и низших представителей человечества. Первые (superior) были созидательными умницами, вторые (inferior) — опасными типами, склонными к взрывному преступному поведению, разрушению основ культуры¹.

Вдохновленные логическим торжеством дарвинизма, ученые всего света бросились на поиски новых фактов, подтверждающих правильность идей их английского кумира. Хотя разумнее было бы выработать новую моральную хартию — хартию познания, заявлявшую о приоритете человеческих ценностей над ценностями созданной человеком науки. Но нравственностью пожертвовали, решив, что это одна из «клешней» церкви, протянутая к прогрессивному учению.

Такая жертва стоила дорого: развенчанная природа, лишенный ореола богоподобности человек, рухнувшие моральные принципы привели цивилизацию к трагическим ошибкам и катастрофам. Множество светлых умов науки и техники приняли живое участие в создании средств массового уничтожения и опасных игрушек XX века. Одни первопроходцы были высоколобыми гениями, сконструировавшими орудия кровавых государственных амбиций, другие — исполнителями частных мрачных заказов.

Когда же на карте мира образовалось новое государство — Советская Россия, его «просвещенные» повелители решили, что их час пробил: теперь-то *они* смогут управлять не только народом, но и законами природы. Потому что ученые, которые эти законы пишут, будут создавать их под диктовку тех, кто благодаря бескомпромиссному, естественному политическому отбору воцарился от Балтики до Берингова пролива. В мечтах же

¹ Baur E., Fischer E., Lenz J. Grundriss der menschlichen Erblchkeitslehre und Rassenhygiene. Munchen: J. F. Lehmann Verlag. 1921.

эти вожди видели себя уже властелинами всего мира, а властелины должны быть чародеями.

«Владимир Ильич как-то сказал, что большевики умеют делать чудесные вещи, а рассказать про них не умеют»¹, — писал в передовице журнала «Наши достижения» заместитель главного редактора Артем Халатов². Эти «чудесные вещи» имели поистине мрачноватый оттенок и назывались «эксперименты на людях».

«В наше время этика справедливо осудила самым решительным образом всякий опыт на человеке, который мог бы повредить пациенту или не имел бы целью явной и непосредственной пользы. Так как мы не должны оперировать на человеке, приходится экспериментировать на животных», — заявлял в 1869 году французский врач Клод Бернар в «Лекциях по экспериментальной патологии». Однако эти «предрассудки» XIX века большевиками были мгновенно отброшены. Они высокомерно считали, что счастье мирового пролетариата может быть построено на костях и муках тех же тружеников, о которых так трепетно заботились кремлевские боги.

То, о чем пойдет речь в этой книге, произошло 70–80 лет назад, но многие вопросы, связанные с этикой научной и человеческой, встававшие перед одержимыми учеными, актуальны и сейчас. Актуальны, потому что даже эти далекие события, занесенные в анналы закрытых учреждений, еще недавно имели гриф «секретно». Острота этих вопросов увеличивается день ото дня.

Сегодня наука в центре общественной дискуссии. Ее мудрые понятия неожиданно обрели вполне ясный и угрожающий

¹ Наши достижения. — 1929. — Январь.

² Халатов А. Б. (1894–1938) — в 1927 году член коллегии Народного комиссариата просвещения (далее — Наркомпрос), председатель правления Госиздата. Репрессирован. Расстрелян. Реабилитирован.

смысл. Речь идет не только о нравственном, но и о физическом изменении человека, на котором настаивает прогресс.

Эта перспектива маячит в ежедневных телевизионных новостях и на страницах Интернета. Если можно вывести породу агрессивных мышей и кроликов, склонных к нападению на человека, то и конструирование любого живого тела — дело решенное: сегодня его называют генетически модифицированным. Но это только одно направление новой эволюции.

Совсем недавно нас поставили в известность, что дитя, рожденное от суррогатной матери, имеет генетическую наследственность трех родителей. А клонированная молоденькая овечка Долли, полный генетический аналог своей матери, в отличие от нее страдает старческим артритом. У людей, перенесших операцию на сердце, происходит изменение личности, связанное с нарушением скорости потока крови, да и пересадка донорского сердца от свиньи может привести к непрогнозируемым последствиям. И генетика стала частью религии секты «Движение раэлинов», заявляющей о состоявшемся уже клонировании человека.

Мы вошли в темную и таинственную комнату, стен которой еще не можем разглядеть, а орган, предупреждавший об опасности, почти атрофировался. Это естественное следствие научной революции, которая, выйдя из-под контроля, может вынести свой приговор человеку как антропологическому типу. Волей-неволей встает вопрос: а зачем необходимо познание столь жестоких истин, которое принесет не менее жестокие результаты?

В этой книге впервые представлены архивные документы, посвященные опытам по скрещиванию человека с обезьяной и некоторым другим бесчеловечным экспериментам. Эти исследования проводились советским ученым Ильей Ивановым

в 1920-е годы при финансовой поддержке Совнаркома СССР. Активное участие в них принимали научные учреждения Франции: Пастеровский институт и *Collège de France*. Об этих экспериментах знали крупные научные авторитеты Великобритании и Германии. Эти люди и организации в той или иной степени несут ответственность за опыты советского ученого.

В работе над книгой я старался максимально точно цитировать документы, которые мне показались шокирующими, а также вполне доступные, но забытые сегодня публикации, которые проливают свет на извечный сюжет — поиск человеком самого себя.

2.

Есть еще одна тема, которая волей-неволей возникает, когда речь касается этой книги. В фигуре профессора Ильи Ивановича Иванова читатель вправе обнаружить один из прототипов профессора Преображенского из «Собачьего сердца» Михаила Булгакова.

«Так что же, он в своей книге это предугадал?» — спросил меня как-то один из знакомых. А предугадывать, собственно, было нечего. Опыты по трансплантации начались во Франции еще до Первой мировой войны, а переводы статей на эту тему регулярно публиковались в Советской России начиная с 1923 года.

«Собачье сердце», написанное в 1925 году, стало своего рода следствием бесед Булгакова с другим писателем — Евгением Замятиным, автором футуристического романа «Мы».

«Россия, последние годы ставшая фантастичнейшей из стран современной Европы, несомненно, отразит этот период своей истории в фантастике литературной», — писал Замятин в статье об Уэллсе, намекая на повести Михаила Булгакова.

В истории Преображенского и Шарикова угадываются черты романа «Остров доктора Моро», популярнейшего в те годы произведения. Замятин был страстным поклонником английского писателя и отчасти шел по его стопам в романе «Мы». Беседы Замятина и Булгакова стали отправной точкой для тем, поднятых в новых книгах Михаила Афанасьевича.

Профессор Преображенский — сын и последователь доктора Моро. Разница лишь в том, что английский профессор-изувер был придуман Уэллсом, а «Преображенских» в Советской России было предостаточно. Они отличались одной особенностью, присущей некоторой части национальной научной интеллигенции: за обедом под водочку или чаек эти правдолюбцы позволяли себе пожурить советскую власть, посмеяться над Швондерами и Шариковыми. Но стоило им прийти в институт или совучреждение, как они начинали неистово клясться в верности красному знамени и с выражением почтительной неискренности смотреть в рот кремлевским богам. Это ведь именно Преображенский создал монстра Шарикова, а Советская власть его только крестила да вскармливала. Об этом часто забывают...

3.

Позволю себе еще один пассаж.

После выхода в 2003 году первого издания книги в блогах в Интернете и на страницах некоторых газет и журналов нередко высказывались сомнения: а было ли все это на самом деле? Не шутка ли это? Не мистификация?

Тут нужно сказать следующее: все цитаты из документов и тогда, и сейчас я сопровождаю архивными ссылками. Если стоит аббревиатура ГАРФ — значит, это Государственный архив Российской Федерации; РГВА — Российский государствен-

ный военный архив; АПРФ — Архив президента Российской Федерации, ЦГАМО — Центральный государственный архив Московской области; ПФА РАН — Петербургский филиал Архива Российской академии наук; РГАСПИ — Российский государственный архив социально-политической истории (бывший Центральный партийный архив). Часть материалов взята из архива ГМИИ им. А. С. Пушкина.

Этого списка источников достаточно, чтобы понять, что я не шучу.

Кроме того, хочу подчеркнуть особо: в этом издании читателя будут ждать и весьма серьезные неожиданности. Причем многое действительно носит сенсационный характер.

4.

Автор выражает благодарность Монике Спивак, за указание на ряд интересных источников, Артему Шлопаченко (Гавана), а также ныне покойной исследовательнице из Санкт-Петербурга Татьяне Ивановне Грековой.

Глава 1

Паника в Кремле

1.

Вечером 21 января 1924 года в 19 часов 30 минут в Кремле раздался резкий телефонный звонок.

Из подмосковной усадьбы Горки звонила сестра Ленина Мария Ульянова. Передала буквально: «В 18.50 Ленин умер». В состоянии аффекта она забыла повесить трубку, и та долго болталась на шнуре. Связь через этот телефон оказалась невозможной, хотя в Кремле срочно желали проверить сообщение.

Смертельный исход больного был установлен присутствовавшими во время припадка и оказывавшими помощь профессорами Ферстером, Осиповым и доктором Елистратовым. Свидетелем смерти Ленина был и член ЦК Бухарин. Как только врачи зафиксировали летальный исход, у Николая Ивановича помутилось сознание. То, что он делал дальше, производит ошеломляющее впечатление. «Я его поднял на руки, мертвого Ильича, и целовал ему ноги»¹, — вспоминал Бухарин.

¹ Источник. — 2000. — № 3. Неправленная стенограмма февральско-мартовского пленума ЦК ВКП (б), 1937 год.

Этой смерти ждали. Начальник личной охраны вождя Абрам Беленький был в то время в Москве. Спустя три недели после случившегося он вспоминал: «Немедленно собралось Политбюро и решило ехать в Горки. Товарищем Дзержинским было отдано распоряжение приготовить на Павелецком вокзале паровоз с одним вагоном...»¹

Заведующий Московским отделением движения Рязано-Уральской железной дороги Константинов сформировал из участкового служебного вагона № 52 и вагона 4-го класса экстренный поезд до разъезда Герасимово. От этой станции всего две с лишним версты до загородной резиденции вождя. В те часы все мысли его духовных наследников были прикованы к подмосковной усадьбе. Они чуяли, что там, куда слетятся претенденты на власть, станет все ясно. Вот почему кремлевская знать боялась опоздать на поезд, уходивший с Павелецкого вокзала вне расписания.

Но один из наследников покойного — Иосиф Сталин — решил добираться в Горки отдельно — на автосанях. Этим он подчеркивал свой особый статус. Сталин знал, что опередит поезд, отправление которого было назначено лишь на 22 часа 15 минут. Для него было важно первым приехать к телу вождя и застать труп еще теплым. Сталина раздражало только то, что у тела уже присутствовал Бухарин, и этого он ему не простил.

Иосиф Виссарионович точно расценил смерть красного монарха как сигнал для битвы большевистских кронпринцев за кремлевский престол. Теперь каждая выигранная секунда становилась козырем, а поездка в общем вагоне с другими конкурентами была для горца равносильна безоговорочной капитуляции.

¹ РГАСПИ. Ф. 16. — Оп. 1. — Д. 44. — Л. 1.

Проводить печальный экспресс на Павелецкий вокзал прибыл глава ОГПУ Феликс Дзержинский. В ту ночь он был одет в черный простоватый овчинный тулуп.

По вокзалу и перрону фланировали сотрудники ОГПУ в штатском. Иногда, когда морозный ветер поднимал поземку, полы их шуб и пальто на мгновение распахивались, обнажая черноткожие чекистские тужурки. Дзержинский выслушал спешивших в Горки товарищей по партии, дождался отправления состава, но сам не поехал. Кто-то должен был остаться в столице и начать организацию траурных мероприятий.

Смерть Ленина была сильным ударом по большевистской диктатуре. Нужно было опасаться политических провокаций, террористических актов, попыток переворота. В столице усилили меры безопасности. Организацию охраны траурного поезда, Павелецкого вокзала и расчистку от снега дороги от резиденции Горки до железнодорожной станции поручили Абраму Беленькому. Он же должен был обеспечить проезд врачей для вскрытия трупа. Путь от вокзала до разъезда Герасимово и окрестностей Горок оцепили войска ОСНАЗа¹. Ночью их по тревоге подняли в казармах недалеко от Покровских ворот и без лишних объяснений рассыпали по всему пути следования поезда. Бойцы стояли буквально через каждые сто метров. Мосты находились под особым контролем: в Кремле рисковать не хотели. Если бы поезд с телом Ленина был взорван террористами, погибло бы все руководство страны.

¹ Особого назначения — изначально ЧОН — Части особого назначения — «коммунистические дружины», «военно-партийные отряды» — были созданы на основании постановления ЦК РКП(б) от 17 апреля 1919 года и являлись боевыми силами большевистской партии, не входившими в Красную Армию. На них возлагались самые срочные и трудные задачи по решительному подавлению заговоров, мятежей и других актов противодействия большевистскому режиму. В состав ЧОН включались коммунисты и сочувствующие им рабочие и члены профсоюзов в возрасте от 17 до 55 лет, а также комсомольская молодежь. Эти части действовали в контакте с органами ВЧК.

В эти часы возможность государственного переворота резко возросла. В столице появились дополнительные патрули. Словно всадники Апокалипсиса проносились по заснеженным бульварам Москвы вооруженные пиками мрачные конные разъезды ОСНАЗа.

Глава охраны Ленина Абрам Беленький вспоминал: «По приезде в Горки мы застали там товарищей Обуха¹ и Вейсброда², которые приехали спустя несколько минут после смерти Владимира Ильича; они были вызваны Марией Ильиничной тогда, когда Владимир Ильич почувствовал себя плохо. Там уже находился тов. Бухарин, который в это время отдыхал в санатории “Горки”»³.

Обстановка в ночной усадьбе была истеричной. Вожди давно знали: смерть Ленина неизбежна и близка. Они даже готовились к ней, но когда случился летальный исход, все кремлевские боги погрузились в глубокий обморок. Смерть, неотвратимая смерть, перед которой бессильны даже могучие тираны, ужаснула одних и парализовала других.

Советский публицист Михаил Кольцов писал о ночных гостях покойника: «Старики. Они понуро уместились внизу на диванчике. Кутаются в шинели, похрустывают суставами пальцев и, ворчливо перебивая друг друга, всё вспоминают. Они очень важные персоны в правительстве великой советской страны, руководимой Владимиром Лениным. Они начальники больших государственных учреждений — тех, в которых гений Ленина, политика и борца, развертывался с величайшей мощью. Но сейчас только старики...»⁴

¹ Заведующий Мосгоротделом здравоохранения. Один из лечащих врачей Ленина.

² Хирург, главврач 2-й Градской больницы. В 1918 году оперировал Ленина.

³ РГАСПИ. Ф. 16. — Оп. 1. — Д. 44. — Л. 1.

⁴ Умер Ленин. — М., 1924. — С. 36.

Уже несколько месяцев ожидалось печальное известие. И многие соглашались с тем, что скорая смерть была бы наилучшим исходом для наглядно деградировавшего лидера коммунизма. Сознание уже навсегда покинуло Ленина, и в таком состоянии, похожем на идиотию, вождь мог дискредитировать свои великие идеи.

Вспоминая последнюю встречу с Лениным в Горках, большевик Преображенский сокрушался: «Мне стоило огромных усилий, чтоб сохранить взятую мину и не заплакать, как ребенку. В нем столько страдания, но не столько страдания в данный момент. На его лице как бы сфотографировались и застыли все перенесенные им страдания за последнее время»¹. Лицо Ленина и его выражение были главной государственной тайной.

9 сентября 1923 года, за несколько месяцев до этой ночи, в «Огоньке» выходит статья Михаила Кольцова «Человек из будущего», посвященная пятой годовщине покушения на Ленина. С большими сомнениями в редакции решились поместить фотографию вождя в Горках. Глаза Ленина были тщательно, даже грубо заретушированы и сильно напоминали вставные. Художник обработал и рот. Но, несмотря на величайшее старание, Владимир Ильич выглядел на фото не «безупречным воином за мировую справедливость», как его и назвал в статье Кольцов, а мрачным безумцем с остекленевшим взором.

Кремлевских наследников Ленина угнетало не только лицо. С 22 июня 1923 года Ленина мучили чудовищные припадки и галлюцинации. Узкий круг кремлевской верхушки был информирован и о странном происшествии, случившемся в Горках. Однажды в лунную ночь усадьбу потряс дикий волчий вой. Он переполошил охрану ОГПУ. Срочно по тревоге был поднят наряд и в окрестный лес был выслан дозор на поиски волчьей

¹ Известия ЦК КПСС. — 1989. — № 4. — С. 186–187.

стаи, мешавшей спать великому больному. Но возвратившиеся чекисты сообщили, что никаких следов зверей ими не обнаружено. Для них это событие осталось неразгаданной тайной.

В действительности прогрессирующее безумие довело Ленина до такого состояния, что он буквально выл на Луну. Для консультаций по этому происшествию в Горки привозили известного психиатра Бехтерева. Его выводы и мнения его коллег относительно диагноза Ленина были расплывчаты и тревожны. Робкий оптимизм врачей не мог ввести в заблуждение ни верхушку ЦК, ни Крупскую, переставшую верить в светил науки.

Все чувствовали медленное, но неотвратимое движение к смерти.

Разговоры о будущей похоронной процессии кремлевские обитатели вначале вели кулуарно. Но чем больше они говорили, тем больше приходили к выводу: грядущие похороны нужно будет превратить в крупную пропагандистскую акцию.

27 ноября 1923 года, когда Ленин еще был жив, члены Политбюро келейно обсуждали процедуру прощания с вождем. Ввиду особой секретности совещание не протоколировалось, и память о нем сохранилась лишь в мемуарах эмигрировавшего на Запад близкого друга Ленина, члена ВСНХа Валентинова-Вольского.

На заседании выступал Иосиф Сталин с сообщением о резком ухудшении здоровья и приближении часа смерти вождя. Ссылаясь на мнение некоторых коммунистов из провинции, генеральный секретарь предложил забальзамировать тело вождя мирового пролетариата. В полемику с ним вступил Лев Троцкий, заявивший, что идеи эти не имеют ничего общего с марксизмом¹.

Когда, наконец, произошла ожидаемая смерть, она все равно застала врасплох верхушку советской элиты. Но не в органи-

¹ Валентинов-Вольский Н. В. Новая экономическая политика и кризис партии после смерти Ленина. — Stanford, 1971. — С. 90–91.

зационном смысле — тут все обстояло более-менее прилично: железная ленинская когорта еще плотнее сомкнула свои ряды. Сложнее было с биологией.

Неотвратимая гибель вождя показала кремлевской знати: помимо безграничной власти над людьми, которую они завоевали, помимо мощной армии и ОГПУ, которые эту власть гарантировали и обещали распространить на весь мир, есть еще власть над временем, которая им недоступна. И не террористы, а рак, преждевременное старение, досрочно наступивший паралич или старческий маразм могут превратить их в ничтожеств, а их власть — в эфемерный мираж.

Теперь, когда все обитатели Кремля стояли, обливаясь холодным потом у тела Ленина, завтрашний день представлялся неустрашимому большевистскому конвенту преддверием фатального кошмара.

Рыдания охватили бывших политкаторжан и террористов, когда они увидели своего бога застывшим на столе в полутемной комнате. Вдохновитель Октября, человек, кичливо заявлявший: «Мы не останавливались перед тем, чтобы тысячи людей перестрелять», — теперь сам был мертв. И конечен.

Вокруг застывшего тела стоял почетный караул сотрудников личной охраны вождя. Ее начальник, обычно высокомерный, надменный и неприступный даже для чекистской элиты, шеф ленинских телохранителей Абрам Беленький эмоционально сокрушался: «Мы застали Ильича уже лежащим на столе. Лежал он совершенно спокойный, с обыкновенной своей улыбочкой, как будто на минуту вздремнул, и никак не верилось, что он мертв, но только руки холодные как лед указывали на смерть»¹.

Еще более откровенно высказался председатель Коммунистического Интернационала Григорий Зиновьев: «Нечеловече-

¹ РГАСПИ. Ф. 16. — Оп. 1. — Д. 44. — Л. 1.

ски тяжело. Никто никогда не переживал таких жутких минут»¹. Член Центрального комитета ВКП (б) Николай Бухарин образно описал растерянность большевиков от произошедшего в тот момент шока: «Умер Ленин. Точно разрушилась центральная станция пролетарского ума, воли, чувств, которые невидимыми токами переливались по миллионам проводов во все концы нашей планеты»².

Боготворивший вождя Леонид Красин 27 января в письме одной из своих жен, Миклашевской-Красиной, откровенно признался: «Весть о кончине почти и не была неожиданной, все-таки повергла всех в шок, подобно грому среди ясного неба»³.

В момент рокового удара перед красными вождями встала задача хоть как-то сохранить иллюзию бессмертия вождя, а значит, и собственные иллюзии. Здесь же, в ночных Горках, они предприняли к этому первые шаги. По телефону в Москву было отдано распоряжение о присылке скульптора Меркурова для снятия посмертной маски, а затем и врачей для вскрытия и временного бальзамирования. Убитые всем произошедшим, в 2 часа 20 минут пополуночи вожди возвратились в Москву.

Предполагалось, что гипсовые слепки будут сняты с лица и рук Ленина, потом будет создана вторая копия маски, с которой будет сделана бронзовая отливка. Потом она займет свое место в вечном хранении в архиве ОГПУ-НКВД как фиксация бессмертного образа. Через подобный обряд впоследствии пройдут 56 советских вождей и различных деятелей культуры СССР.

Спешка была величайшая. Уже в 3 часа 8 минут моторная дрезина ОГПУ со скульптором, личным секретарем председателя ВЦИК Калинина и сотрудниками ОГПУ отправилась с Паве-

¹ РГАСПИ. Ф. 16. — Оп. 1. — Д. 378. — Л. 92.

² Там же. Л. 18.

³ О'Коннор, Т. Э. Инженер революции. Л. Б. Красин и большевики. 1870–1926. — М., 1993. — С. 255.

лецкого вокзала в сторону разъезда Герасимово. Глубокой ночью пассажиры добрались до Горок. Воспоминания скульптора Меркурова об изготовлении посмертной маски Ленина похожи на отрывок из триллера.

«Открываю дверь в большую комнату: там много света, и к моему ужасу я вижу лежащего на столе Владимира Ильича... Меня кто-то зовет. Все так неожиданно — так много потрясений, что я как во сне.

Подхожу к Владимиру Ильичу, хочу поправить голову — склонить немного набок. Беру ее осторожно с двух сторон; пальцы просовываю за уши, к затылку, чтобы удобнее взять за шею, шея и затылок еще теплые. Ильич лежит на тюфяке и подушке. Но что же это такое!? Пульсируют сонные артерии! Не может быть! Артерии пульсируют! У меня странное сердцебиение. Отнимаю руки. Прошу увести Надежду Константиновну.

Спрашиваю у присутствующего товарища, кто констатировал смерть.

— Врачи.

— А сейчас есть ли кто-нибудь из них?

— А что случилось?

— Позовите мне кого-нибудь.

Приходит.

— Товарищ, у Владимира Ильича пульсирует сонная артерия, вот здесь, ниже уха.

Товарищ нащупывает. Потом берет мою руку, откидывает край тюфяка от стола и кладет мои пальцы на холодный стол. Сильно пульсируют мои пальцы.

— Товарищ, нельзя так волноваться — пульсирует не сонная артерия, а ваши пальцы. Будьте спокойны. Сейчас вы делаете очень ответственную работу»¹.

¹ Архив ГМИИ им. А. С. Пушкина: Коллекция 18. Оп. 1. — Ед. хр. 24. — Л. 7–8.

Первая посмертная маска превратилась в прототип множества других масок, которые в ближайшее время предполагалось изготовить из гипса, фарфора и других материалов для раздачи всем значительным советским функционерам. Этот антропологический объект приобретал характер магической святыни. К нему допускался небольшой круг по особому списку.

«Тов. Енукидзе!

По поручению тов. Каменева прошу распоряжений о рассмотрении прилагаемой при сем сметы на изготовление ста посмертных бронзовых масок В. И. Ленина и отпуска необходимых для этой работы средств. При рассмотрении сметы прошу вызвать скульптора С. Меркурова»¹.

Писал секретарь заместителя председателя СНК и СТО товарищ Музыка.

Место скульптора Меркурова вскоре заняли врачи. Они приступили к вскрытию в 11 часов 10 минут 22 января. У тела собралась представительная команда: нарком здравоохранения Семашко, гигиенист Обух, хирург Вейсброд, немецкий невропатолог, психиатр и нейрохирург Ферстер, психиатр Осипов, заведующий хирургическим отделением Боткинской больницы Розанов, патологоанатом Абрикосов, антрополог Бунак, прозектор Дешин и лечащий врач Ленина Елистратов. Главным органом покойника, представлявшим интерес для врачей и духовных наследников вождя, был мозг.

В «Акте патолого-анатомического вскрытия В. И. Ульянова (Ленина)» читаем: «Головной мозг. Вес без твердой мозговой оболочки непосредственно после вынута 1340 г»².

Взвешивание стало самым важным ритуалом. С этого момента мозг Ленина имел уже не анатомическую, а совсем иную ценность. К глубокой печали, свежая святыня местами уже

¹ РГАСПИ. Ф. 16. — Оп. 1. — Д. 129. — Л. 4.

² Умер Ленин. С. 53.

была попорчена, и порча эта была результатом болезни. «В левом полушарии мозга, — снова сообщает акт, — 1) в области прецентральных извилин, 2) в области теменной и затылочной долей, 3) в области *fissurae paracentralis* и 4) в области височных извилин замечаются участки сильного западания поверхности мозга. В правом полушарии на границе затылочной и теменной долей замечаются также два рядом лежащие участка западания поверхности мозга»¹.

Глава охраны Беленький фиксировал: «Закончили вскрытие и бальзамирование в 16 часов»². Он забывает только добавить, что с мозга Ленина и с его сердца также были сняты гипсовые слепки.

В официальном заключении о смерти Ленина, подписанном врачами, был зафиксирован «склероз изнашивания». Это «изнашивание» на многие годы лишило покоя советских вождей. Народный комиссар здравоохранения Семашко разъяснил эту формулировку: «Болезнь поражает обыкновенно “наиболее уязвимое место” (*locus minoris resistentiae*); таким “уязвимым” местом у Владимира Ильича был головной мозг: он постоянно был в напряженной работе, он систематически переутомлялся, вся напряженная деятельность и все волнения ударили прежде всего по мозгу»³.

2.

22 января советские вожди посвятили нагнетанию траурной истории в стране и обсуждению вопросов о будущей консервации

¹ Умер Ленин. С. 53.

² РГАСПИ. Ф. 16. — Оп. 1. — Д. 44. — Л. 2. Но если быть точным: аутопсия закончилась в 15 часов 50 минут. См.: Лопухов Ю. М. Болезнь, смерть и бальзамирование Ленина. — М., 1997. — С. 47.

³ Вождь железной когорты. — М.: Ростов-на-Дону, 1924. — С. 6–7.

тела Ленина. Заседание XI Всероссийского съезда Советов, проходившее в тот день, впервые закончилось не пением Интернационала, а похоронным маршем Шопена. И присутствовавшие на съезде Сталин, Зиновьев, Каменев, Калинин и другие знали: этот марш звучит не только для покойного товарища Ленина, но и для них.

Экстренный объединенный выпуск «Правды» и «Известий» от 22 января сообщил задним числом об объявлении 21 января днем траура. До 27-го числа решением Московского Совета все спектакли, киносpectакли, концерты и увеселения отменялись.

В самых разных уголках Страны Советов шли разговоры о будущем СССР. Многим оно казалось теперь мрачным. На заводе «Напильник» группа рабочих, обсуждая смерть вождя, пришла к самым грустным выводам:

«Да, осиротели мы теперь без старика, ждали, ждали, думали, вот к весне поправится, — говорит молодой парень.

— Нет такого больше человека, которого все бы любили.

— Не стало тов. Ленина и как-то боязно стало, думаешь, а вдруг нас захотят обидеть, кто же за нас заступится¹».

Истерики, нагнетаемая большевиками, постепенно приобретает черты ярко выраженного религиозного культа. Миллионы людей погружались в пучину рождающегося мифа и сами этот миф разрабатывали, отмечая у покойного ряд фантастических качеств, сказочных способностей.

Вот простой рабочий Голядкин с 1-й обувной фабрики, выступает перед своими заводчанами: «Многие говорят, что товарищ Ленин умер. Нет, он не умер, он жив. Там только тело, а сам он с нами»².

¹ РГАСПИ. Ф. 16. — Оп. 1. — Д. 378. — Л. 5.

² Там же. Л. 43.

Сегодня трудно себе представить, что огромный народ в голодной, нищей, раздавленной гражданской войной и террором ВЧК стране был озабочен только тем, как сохранить тело Ленина, и желал иметь его для себя как свою собственность. В Москву Дзержинскому, председателю комиссии по организации похорон, шли тысячи писем с различными предложениями о возможном сохранении останков.

«При обсуждении вопроса о похоронах Ильича, — писали начальнику ОГПУ рабочие завода № 30 “Красный поставщик”, — у нас запала гениальная мысль не спускать его в землю, а построив возвышенное место на Красной площади, установить его в стеклянном гробу, заспиртованного...»¹ Еще один проект предлагал «забальзамированный прах, помещенный в стеклянный герметичный ящик с выкаченным воздухом»².

«Мысль о том, что Ильич физически остался и его можно увидеть необъятным массам трудящихся хотя бы недвижимым, утешила бы горе утраты и поддержала бы упавший дух...»³ — сокрушались в коллективном письме рабочие и служащие строительной конторы в Неглинном проезде.

Но наиболее точно желания кремлевской элиты угадал рабочий Окуловских писчебумажных фабрик Владимир Павлов: «...предлагаю труп Ильича не предавать земле, а забальзамировать по способу египетских мумий и поместить в центральный музей. Этим самым рабочие будущих веков всегда будут иметь возможность своими собственными глазами увидеть труп/забальзамированный/великого человека»⁴.

Опыт Древнего Египта отмечали как заслуживающий внимание и такие просвещенные большевики, как Луначарский

¹ РГАСПИ. Ф. 16. — Оп. 1. — Д. 100. — Л. 17.

² Там же. Л. 6.

³ Там же. Л. 5.

⁴ Там же. Л. 12.